

Мужской голос звучал слабо, но в каждом слове чувствовалась угроза и уверенность в контроле над ситуацией. Даже сейчас, когда он был весь мокрый, с пробитыми ключицами и подвешенный в центре бассейна с лекарственными травами, его осанка оставалась изящной и прямой, и ничто не выдавало того, что он должен был выглядеть жалким.

Два слуги, следуя указаниям, подняли железную цепь и вытащили мужчину из бассейна, усадив его на плетённый стул рядом. Они открыли сложный механизм, сдерживающий его руки. Как только руки освободились, мужчина поднял их и быстро снял бинты, обмотанные вокруг груди, чтобы скрыть раны, обнажив кожу, покрытую шрамами.

Рядом стоял ещё один человек, держа в руках поднос, на котором лежал изящный нож, блестящий ярким светом, а рядом с ним стояла маленькая белоснежная фарфоровая чаша, предназначенная для его крови.

Мужчина даже не взглянул на того, кто держал поднос, взял нож и провёл острым лезвием по левой стороне груди, словно серебряная змея. Тёплая кровь тут же хлынула наружу, и кто-то рядом тут же подставил чашу, чтобы аккуратно собрать её.

Он слегка опустил глаза, позволяя своей горячей крови медленно капать в чашу, капля за каплей. В полной тишине ночи звук падающих капель был особенно отчётлив. Кровь падала в безупречный белый фарфор, яркая и кроваво-красная, вызывая ужас.

Кровавый запах в комнате становился всё сильнее, но количество крови, которую он извлекал, постепенно уменьшалось. Раньше для наполнения чаши требовалось меньше времени, чем на чашку чая, но теперь, даже спустя больше часа, чаша была заполнена лишь наполовину.

... Только когда слуга, державший чашу с трудом набранной крови, вышел из комнаты, мужчина выпрямил слегка наклонившееся тело, прижал руку к груди и больше не смог держаться. Его худощавая фигура сильно пошатнулась.

Несмотря на то что рана снова была перевязана, кровь продолжала сочиться, быстро пропитывая переднюю часть груди. Он отвел взгляд от двери, и в его глазах наконец появилась усталость. Его губы, потерявшие тепло, плотно сжались, словно сопротивляясь слабости тела.

Чи Нюй холодно наблюдала за ним. У него был такой бледный вид, на лбу выступали капли пота, словно бобы, но он упорно отказывался терять сознание, стиснув зубы и держась с достоинством. Он даже не смотрел в её сторону, словно её не существовало, что сильно испортило ей настроение.

Хотя это был взаимовыгодный обмен — он добровольно стал её подопытным, а она выполнила его желание, — всё это явно было выгодной сделкой. Между ними не было разногласий, и она заставила его пройти через множество страданий. Казалось бы, она должна была чувствовать себя удовлетворённой, но Чи Нюй, будучи злобной и узколобой, не могла смириться с тем, что оказалась в невыгодном положении. Даже если он всего лишь воспользовался словесной победой, она не могла проглотить эту обиду.

Слова мужчины уже заставили её кровь закипеть, а его презрительное и неуважительное отношение к ней вызвало настоящую ярость. Она не смогла сдержать себя и, собрав семьдесят процентов своей силы, нанесла мощный удар по его телу!

В мгновение ока недавно сросшиеся рёбра мужчины снова были сломаны под силой удара, заставив его выплюнуть кровь, которая разбрызгалась по чёрной воде, словно распускающиеся красные лотосы...

— Ты думаешь, я не смогу убить тебя?! — Чи Нюй отдернула ладонь, холодно глядя на человека в воде, с жестокой и восторженной улыбкой на лице.

— ... Кхе-кхе, ты не убьёшь меня, — мужчина лежал на плетёном стуле, с трудом повернув голову. Его лицо выражало настоящую боль, но его голос оставался спокойным. Он вытер кровь с губ, его тон был по-прежнему нейтральным.

— О? Какая уверенность! — Чи Нюй внимательно наблюдала за его лицом, каждое малейшее изменение на котором доставляло ей огромное удовольствие.

— Смешно! Почему я должна слушать тебя? Если я чего-то хочу, никто не сможет меня остановить, — её улыбка стала шире, тонкая талия слегка дрожала, словно она услышала невероятно смешной анекдот.

— Нет, у тебя нет выбора, — мужчина тяжело дышал, пытаясь успокоить хаотично бушующую внутри него энергию. В его глазах промелькнуло презрение:

— Подопытный должен быть добровольцем, иначе кровь будет нечистой и не подойдёт для лекарства. Если я умру, лекарственная сила в моей крови превратится в яд, и твоя красота никогда не восстановится. Все твои усилия пойдут прахом. Ты сама понимаешь это. У тебя осталось не так много времени, поэтому ты не можешь себе позволить проиграть.

— Ты...! — Чи Нюй покраснела от злости и резко взмахнула кнутом, который опустился всего в полуметре от мужчины, рассекая воду и поднимая чёрные брызги!

— Хорошо, хорошо, хорошо! Ты действительно великолепен!

Она трижды повторила слово «хорошо», её лицо покраснело, а затем почернело. Её лицо, когда-то безупречное, как у юной девушки, покрылось множеством мелких трещин, словно извивающиеся змеи. Её некогда белая кожа внезапно стала сухой, потеряв прежнюю нежность и упругость, и на ней появился слой землисто-жёлтого мёртвенного оттенка.

Уголки её глаз, брови и губы покрылись морщинами из-за провисания кожи, а сине-чёрные вены стали видны сквозь кожу. Её прекрасное лицо в одно мгновение превратилось в высохший кусок глины, а жёлтые чешуйки кожи сыпались, как снег, создавая ужасающее зрелище!

— А-а-а! Нет, нет! Моё лицо! Быстрее, принесите мне воду для кожи, быстро, скорее! — Чи Нюй закрыла лицо руками, её голос был пронзительным и резким, а сама она, с растрёпанными волосами, выглядела как демон, вырвавшийся из ада.

Примерно через время, равное сгоранию одной палочки благовоний, после суматохи и хаоса, Чи Нюй наконец успокоилась. Её лицо было покрыто чёрной вуалью, а выражение было злобным и недовольным.

Она пристально смотрела на человека, полулежащего на плетёном стуле, и сквозь зубы спросила:

— Хорошо, какие у тебя условия?

Мужчина опустил голову, словно полностью лишился сил, и долго не отвечал. Только после того как Чи Нюй в третий раз крикнула на него, он слегка повернул голову, но не посмотрел на неё, а его взгляд спокойно остановился на закрытой раме окна:

— Он... как он?

— Хм, он в гораздо лучшем состоянии, чем ты. Тебе лучше беспокоиться о себе!

— ... У него кровавый гу. Ты уверена, что справишься?

— Смешно! Если я решу, что он умрёт в третью стражу ночи, сам Яма не посмеет забрать его раньше!

Он улыбнулся, в его глазах мелькнула лёгкая грусть:

— Я хочу попросить тебя об одном.

— Что ты хочешь? — Чи Нюй с недоумением смотрела на мужчину, не понимая его намерений.

Мужчина поднял голову, его лицо было бледным, как снег, а глаза темнее, чем ночь перед рассветом. Его взгляд был молчаливым и печальным, а его холодное выражение лица казалось почти нечеловеческим.

— Пожалуйста, позволь мне... увидеть его.

Чи Нюй почувствовала странное чувство в сердце. Раньше она думала, что глаза этого мужчины, всегда наполненные туманной нежностью, были полны очарования, словно он был человеком, не вовлечённым в мирские дела, как персонаж с картины. Но теперь его взгляд был

покрыт слоем холодной печали, и казалось, что за его прекрасной внешностью скрывалось старое сердце, уже прошедшее через множество испытаний, оставившее лишь разруху и пустоту.

И всё же его лицо... оно было способно исцелить её яд, но не могло исцелить его самого. Его упрямство, его безумие, несомненно, вызывали зависть небес, и он не мог надеяться на счастливый конец.

Даже если он действительно переживёт это испытание, он уже не будет тем небожителем, каким был раньше. Больше никогда...

— Хорошо, я выполню твоё желание. Я позволю тебе увидеть его. Но не забывай о том, что ты обещал мне.

Чи Нью скрyla странное чувство в сердце, и на её лице появилась улыбка, как у сокола, выслеживающего добычу. В её глазах загорелся кровожадный блеск, и она не могла скрыть своего возбуждения...

В это утро Цзюнь Улэй проснулся с ощущением необычайной лёгкости, и даже непрекращающаяся боль в его каналах исчезла, что сделало его гораздо более спокойным.

Он попытался вспомнить, что произошло перед сном. Вчерашний отвар, который ему дали, отличался от обычного и имел странный аромат. Казалось, он сразу же погрузился в глубокий сон, ничего не осознавая.

Прежде чем он успел подумать об этом, несколько служанок уже подняли его с кровати, окружив со всех сторон. Одна помогала ему принять ванну, другая раздевала его, третья подносила воду для полоскания рта, а четвёртая заплетала ему волосы и завязывала пояс. Вскоре он был полностью готов.

<http://bllate.org/book/15278/1348692>